

УДК 343.61:31
ББК 67.511

С.В. Богданов,
кандидат исторических наук
А.Л. Репецкая,
доктор юридических наук, профессор

УБИЙСТВА В РОССИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КРИМИНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ*

В статье представлен сравнительный анализ имеющихся сопоставимых данных, характеризующих состояние и динамику убийств, зарегистрированных в России и США за последние 20 лет. Проведен криминологический анализ и других сопоставимых количественных и качественных показателей этого опаснейшего вида преступления, представлены сравнительные характеристики по их распространенности в России и США, а также по субъектам убийств и потерпевшим.

Ключевые слова: убийства в России и США; насильственная преступность; осужденные за убийство; погибшие от убийств.

S.V. Bogdanov,
Ph. D. in History
A.L. Repetskaya,
Doctor of Law, Professor

MURDERS IN RUSSIA AND THE USA: COMPARATIVE ANALYSIS OF CRIMINAL STATISTICS

The paper presents a comparative analysis of available comparable data on the condition and dynamics of murders registered in Russia and the USA in the last 20 years. A criminological analysis of other comparable quantitative and qualitative characteristics of this most dangerous of crimes has been carried out. The authors present the comparison of their frequency in Russia and the USA as well as compare the subjects of murder and murder victims.

Key words: murders in Russia and the USA; crimes of violence; convicted for murder; murdered persons.

Убийства являются одним из древнейших видов преступлений, традиционным элементом наиболее устойчивой части преступности на протяжении многих веков. Состояние этих преступлений в общей структуре преступности всегда являлось мерилем уровня общественной безопасности и определением степени общественного беспокойства. Поэтому во все времена государственная власть искала эффективные способы борьбы с убийствами. Иногда это удавалось, но чаще усилия, предпринимаемые в данном направлении, не приводили к успеху. Поэтому предотвращение этого, пожалуй, самого тяжкого преступления и по сей день является вопросом исключительной важности.

Поскольку преступность в своем развитии подчиняется общим единым закономерностям во всех странах, убийствам также свойственна такая тенденция. Однако разные уровни жизни, правовые и политические системы, особенности регистрации и масса других объективных различий, существующих

между странами, влекут и некоторую разницу в криминологической характеристике убийств. Поэтому для сравнительного анализа были выбраны Россия и США, имеющие как некоторые сходства в характеристике основных параметров (территориальные показатели, многонациональность), так и существенные различия. Помимо общих сфер формирования кримиогенных детерминант (экономика, политика), здесь особенно ярко выделяется организационно-правовая специфика, заключающаяся в регламентации ответственности за убийства, качестве борьбы с насильственной преступностью, регистрации преступлений.

Следует заметить, что в России (а прежде в СССР) убийства регистрируются по количеству совершенных деяний, сюда же входят и покушения на убийства. Соответственно наступление смерти потерпевшего в резуль-

* В статье предлагается сравнительный анализ криминальной статистики убийств, зарегистрированных в России и США за период с 1986 по 2006 г.

тате совершения других преступлений здесь не учитывается, как и количество жертв, которые могут иметь множественный характер при совершении только одного деяния (например, при убийстве двух и более лиц).

Напротив, в США данное преступление регистрируется по количеству жертв, а под умышленным убийством понимается «любая смерть, наступившая из-за повреждений в драке, соре, борьбе, нападении или предотвращении преступления» [11, р. 6] независимо от времени наступления смерти. Между тем покушения на убийства американцы квалифицируют как нападение при отягчающих обстоятельствах и в убийства их не включают [3, с. 408–409].

Однако, как представляется, такие отличия в регистрации убийств в указанных странах при анализе динамики их уровня существенного влияния на определение тенденций не оказывают, так как названные специфические особенности регистрации позволяют нивелировать сравниваемый уровень этих преступлений: в США нет покушений в регистрации, но есть учет количества жертв и других деяний, учитываемых как убийства, в России учитываются покушения, но убийством считается ограниченный круг составов преступлений.

Интересен и период, за который делался соответствующий анализ. Его длительность (20 лет) позволяет проследить устойчивость развития тенденций убийств на рубеже ве-

ков, а временные рамки дают возможность анализировать динамику состояния этого вида преступлений в соотношении с быстро меняющейся социально-политической и экономической ситуацией в этих странах.

Для России 1986–1991 гг., пока она еще входила в состав Советского Союза, – это период перестройки, гласности, действительно кардинальных изменений во всех сферах жизни общества. Но вместе с позитивными изменениями стремительно и масштабно происходила криминализация большинства сторон общественной жизни. Это не могло не отразиться на уровне такого общественно опасного преступления, как убийство. Так, в целом за период 1961 по 1990 г. (т. е. за 30 лет) число умышленных убийств возросло в 1,7 раза, а с начала перестройки, с 1986 г. – на 60,6 %. Иными словами, основной прирост в регистрации этого преступления в указанный период пришелся на его последнее пятилетие.

США во второй половине 1980-х гг. являлись стабильно развитым государством с устойчивой экономической ситуацией. Уровень зарегистрированных убийств в этот период также был относительно «стабильным», хотя абсолютные показатели этого вида преступлений постепенно увеличивались. Их прирост за рассматриваемый пятилетний период (1986–1990) составил 11,3 %, при этом абсолютные показатели убийств выросли в основном за последние два года (1989–1990). Вероятно,

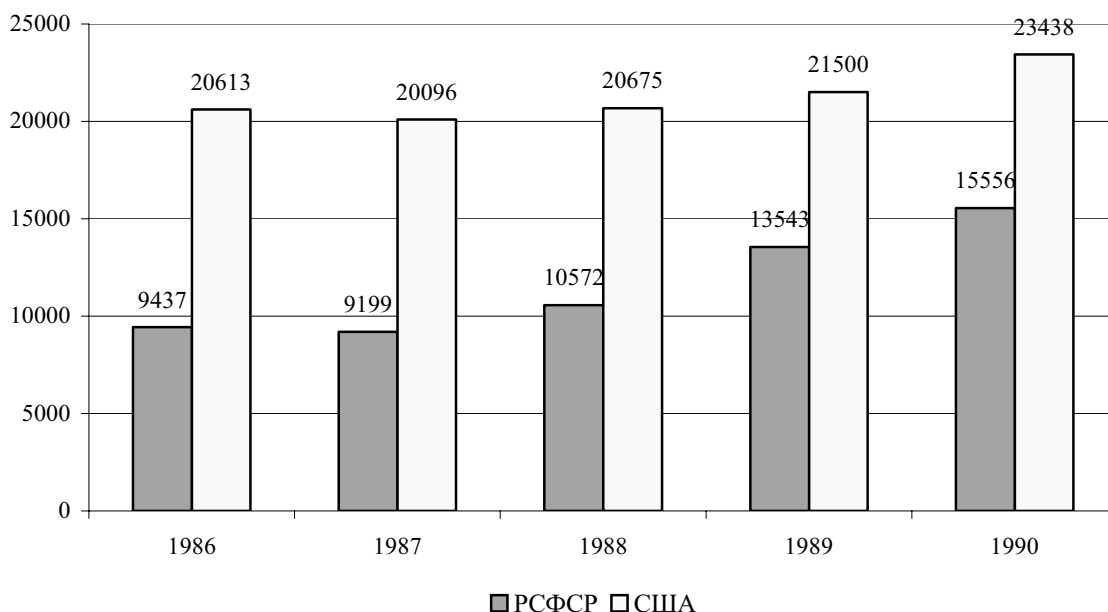

Рис. 1. Количество зарегистрированных убийств и покушений на убийство в РСФСР и США

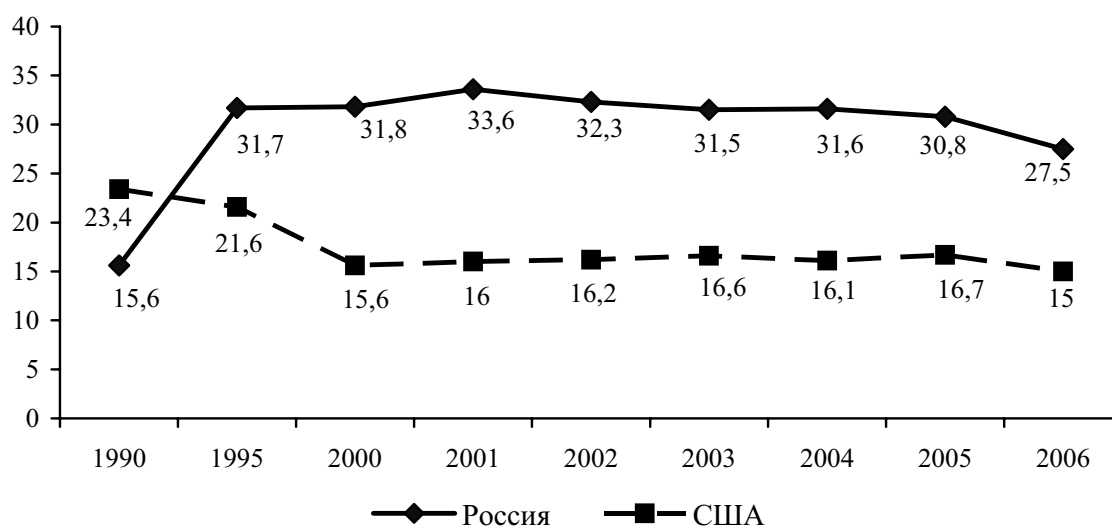

Рис. 2. Число зарегистрированных убийств в России и США в 1990–2006 гг., тыс. [7]

это связано с непрекращающимся потоком эмигрантов, стремившихся в эту страну, так как, с одной стороны, увеличивалось население США, а с другой – его криминализация за счет той части мигрантов, которые не отличались правопослушным поведением. В целом США того времени не случайно считались наиболее криминогенной страной в мире: уровень убийств в США этого периода значительно превосходил показатели не только убийств, зарегистрированных в России, но и в Советском Союзе в целом. В некоторые годы (1986–1988) он более чем в 2 раза превышал российские показатели, находившиеся на минимальном уровне и не превышавшие отметки в 10 тыс. преступлений в год. Это явилось следствием комплекса причин, начиная от общей атмосферы социального оптимизма и ожидания перемен и заканчивая положительным эффектом от массивного наступления государства на алкоголь (см. рис. 1).

Однако с 1988 г. в Российской Федерации наблюдается неуклонный рост абсолютно количества зарегистрированных убийств. При этом темпы их прироста год от года значительно повышались. Так, если в 1988 г. они увеличились на 11,2 % по сравнению с 1986-м базовым годом, то в 1990-м они уже составили 16,4 %. Незначительно, но увеличился удельный вес умышленных убийств в общем числе зарегистрированных в России преступлений: с 0,7 % в 1986 г. до 0,8 % в 1990 г. При этом стоит отметить, что в США доля убийств в структуре деяний, проходивших через систему уголовной юстиции, составляла лишь 0,05 %.

С крахом СССР и переходом к рыночной экономике криминальная ситуация окончательно вышла из-под контроля. Начался масштабный рост преступности, и в первую очередь – убийств, уровень которых стал увеличиваться огромными темпами (рис. 2).

Так, за последующий пятилетний период абсолютные показатели убийств в России увеличились с 15,6 тыс. зарегистрированных в 1990 г. до 31,7 тыс. – в 1995 г., т. е. более чем в 2 раза. Становление рыночной экономики давалось нелегко России, в которой в эти годы фактически шла криминальная война, одним из основных инструментов которой стало убийство. При этом стоит отметить, что уровень зарегистрированных убийств, несмотря на низкую латентность этих преступлений, лишь частично отражал реальное состояние дел, поскольку в эти же годы резко увеличилась доля трупов с неустановленной причиной смерти (с 8 813 в 1990 г. до 44 649 в 1995 г.), а также количество лиц, находившихся в розыске и обнаруженных (с 13 314 в 1990 г. до 22 708 в 1995 г.)*. Данные свидетельствуют о том, что реальный уровень убийств того периода как минимум на порядок выше, чем их официальные показатели.

В США в эти же годы наблюдался незначительный спад убийств – на 11,3 % (1995 г. в сравнении с 1990 г.). Иными словами, та стабильная ситуация, которая характеризовала предыдущее пятилетие, сохранялась. Абсо-

* Данные приводятся без учета жертв военного конфликта в Чечне.

лютные показатели убийств в России резко перекрыли показатели убийств в США, более чем на 10 тыс. Относительные российские показатели также опережали американские более чем в 2 раза. Так, коэффициенты убийств в расчете на 100 тыс. человек в этот период соотносились как 19,9 к 8,2. Стоит отметить, что коэффициент убийств не был стабильным в США в предыдущий период, но за предшествующие 15 лет он изменился не столь значительно, при этом он уменьшился с 10,2 на 100 тыс. населения в 1981 г. до 8,2 [8, р. 3].

Тенденция в снижении уровня зарегистрированных убийств стала определяющей для состояния этого преступления в США и в следующее пятилетие (1995–2000), однако темпы снижения стали максимальными за весь наблюдаемый период – фактически 14 %. Значительно снизился и коэффициент этого вида деяний в расчете на 100 тыс. человек, который в 2000 г. составил 5,6 [5, р. 19], что в 4 раза ниже аналогичного российского показателя – 23,2.

В России это пятилетие характеризовалось относительной стабильностью. Уровень убийств изменялся незначительно, имея волнообразную динамику в пределах 29,4–31,8 тыс. преступлений. При этом общие темпы развития состояния рассматриваемых преступлений в целом имели стабильный характер, поскольку уровень убийств сохранился в абсолютных показателях (31,7 тыс. в 1995 г. и 31,8 тыс. преступлений в 2000 г.). В относительных величинах удельный вес убийств в общей структуре преступлений за пятилетие уменьшился с 1,2 до 1 %. Однако коэффициент убийств в Российской Федерации свидетельствует о высочайшем уровне этого преступления за весь наблюдаемый период: 23,2 преступления на 100 тыс. человек.

В XXI столетие Россия вступила в условиях оживления экономики, постепенного роста благосостояния, нового политического режима. За внешними контурами декларируемой приверженности демократии, рыночной экономике, общеевропейским ценностям проглядывали новые очертания укрепления властной вертикали: президент – региональные политические элиты. Очень быстро Президент России В.В. Путин отошел от практики тесного взаимодействия с новоявленной российской олигархией. Все это

явилось фоном, на котором продолжались весьма противоречивые процессы, вызванные новационными тенденциями, связанными с преступностью в стране.

Динамика регистрации убийств последнего из анализируемых периодов также имеет противоречивый характер. Достигнув максимального значения в 2001 г., – 33,6 тыс., в 2002 г. уровень их пошел на спад, демонстрируя на конец периода наименьший показатель за последние 15 лет – 27,5 тыс. преступлений (см. рис. 2).

Сохраняя тенденции абсолютных показателей в целом, динамика удельного веса убийств в общей структуре зарегистрированных преступлений имела свою специфику. Удельный вес стремительно рос, увеличившись с 1,13 % в 2001 г. до 1,3 % в 2002 г., что составляет пик удельного веса для этого вида преступлений, традиционно не превышающего в общей структуре 1 %. С 2002 г. удельный вес стал снижаться и к концу периода уменьшился в 2 раза – до 0,71 % (рис. 3). Такое резкое изменение удельного веса связано не столько со снижением абсолютных показателей в регистрации самих убийств, сколько с увеличением общего объема зарегистрированных преступлений, количество которых в 2006 г. приблизилось к 4 млн преступлений.

Как известно, при анализе зарегистрированного состояния убийств следует учитывать, что это всего лишь видимая часть криминального «айсберга». Существенная часть совершаемых преступлений остается либо не выявленной, либо не зарегистрированной правоохранительными органами.

В значительной степени меняют картину данные, косвенно свидетельствующие о более высоком уровне этого наименее латентного вида преступлений*. Речь идет о динамике увеличения таких показателей, как количество трупов с неустановленной причиной смерти (что в первую очередь позволяет предположить ее насильственный характер), и лиц, находящихся в розыске, но так и необнаруженных. Например, количество пропавших и необнаруженных лиц за последние 15 лет увеличилось в 3,7 раза: с 13,3 тыс. человек, заявленных в 1990 г., до почти 50 тыс. в 2006 г.

* Согласно исследованиям расчетный коэффициент латентности убийств колеблется в пределах 1,7–1,9 [2].

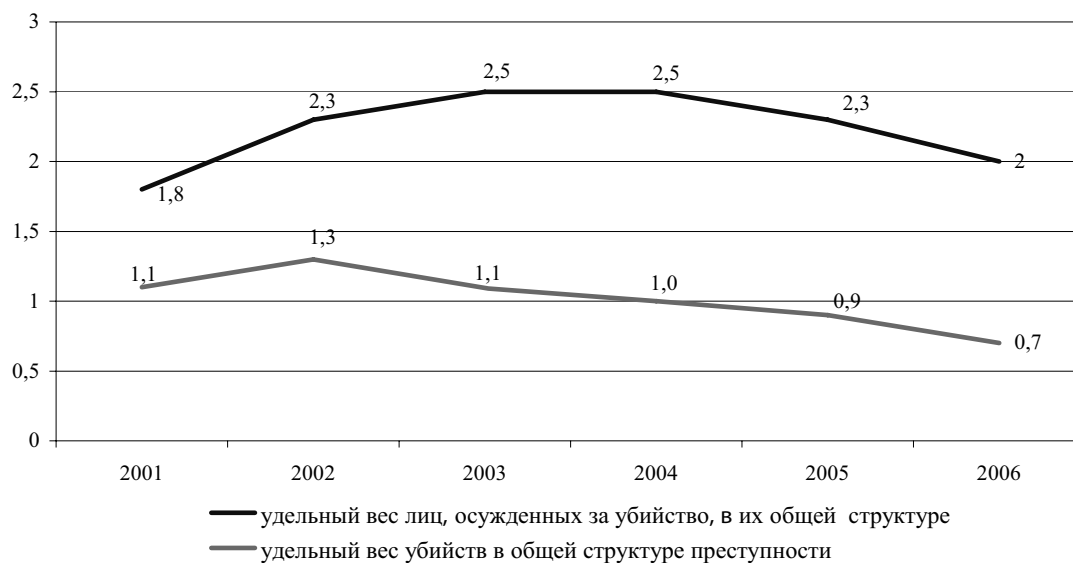

Рис. 3. Динамика уровня зарегистрированных убийств и осужденных лиц, совершивших убийства в России, %

Аналогичная тенденция со сходной динамикой увеличения наблюдается и для лиц с неустановленной причиной смерти: с 8,8 тыс. до 33 тыс. за аналогичный период. Даже если предположить, что только половина из указанного количества лиц погибли в результате убийств, их реальный уровень увеличится более чем в 2 раза.

Что касается анализа количественных показателей выявленных и осужденных убийц, то их уровень традиционно значительно ниже уровня выявленных преступлений. В последнем из наблюдаемых периодов этот показатель варьировал в пределах 59–66 % осужденных за убийство от их зарегистрированного уровня. В абсолютных показателях эта разница составляет 10–12 тыс.; иными словами, за убийства, которые зарегистрированы, осуждаются лишь две трети совершивших их преступников. Однако стоит отметить, что удельный вес убийц в

общей структуре осужденных значительно выше, чем убийств в структуре зарегистрированной преступности, при этом разрыв между названными показателями в новом тысячелетии последовательно увеличивается. Так, если в 2001 г. соотношение названных показателей составляло 1,5, то в 2006 г. оно увеличилось до 2,7.

В период с 2001 по 2006 г. наблюдалось снижение количества несовершеннолетних убийц: с 2,1 тыс. в 2001 г. до 1,6 тыс. в 2006 г., соответственно снизился и уровень совершенных ими зарегистрированных убийств с 185,4 тыс. в 2001 г. до 150,3 тыс. в 2006 г. В то же время необходимо учитывать, что в этот же период продолжала сокращаться численность россиян в возрасте 14–18 лет. Незначительно, но снижается и доля убийств, совершенных несовершеннолетними, в общей структуре зарегистрированных убийств с 1,13 до 1,06 % (табл. 1) [4, с. 449].

Таблица 1

Динамика убийств, совершенных несовершеннолетними в Российской Федерации

Показатель	Год					
	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии	185,4	139,7	145,4	154,4	154,7	150,3
Численность несовершеннолетних, совершивших убийство и покушение на убийство, тыс. чел.	2,1	2,1	2,1	2,0	1,8	1,6
Доля убийств и покушений на убийство в общем количестве преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии	1,13	1,50	1,44	1,29	1,16	1,06

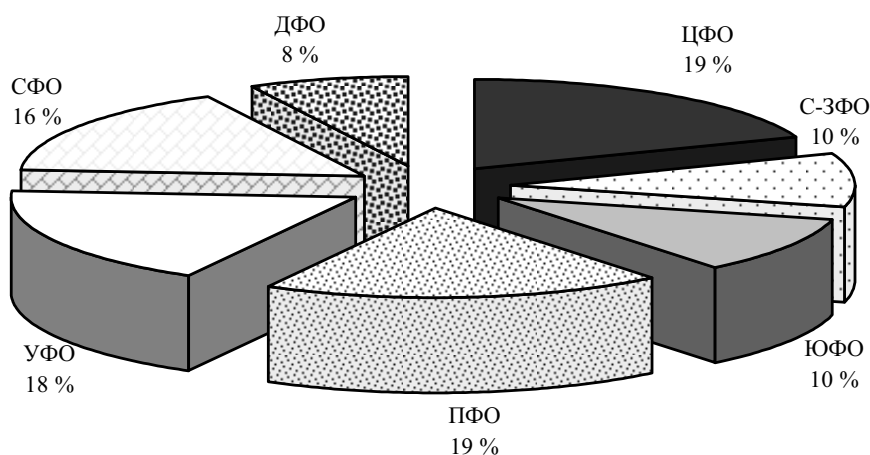

Рис. 4. Доля зарегистрированных убийств в федеральных округах в общем объеме выявленных убийств и покушений на убийство в Российской Федерации в 2006 г., %

В США в 2006 г. несовершеннолетних убийц было выявлено меньше – только 1 310, из них 5 % девушки и 8 % подростки в возрасте до 15 лет [9, р. 1–3].

Неравномерно распределены убийства и по территории исследуемых государств. Так, структура зарегистрированных убийств по федеральным округам в Российской Федерации в 2006 г. выглядела следующим образом (рис. 4).

Лидирующие места в общем количестве убийств и покушений на убийство принадлежат Центральному, Приволжскому и Уральскому федеральным округам. С незначительным отставанием за ними следует Сибирский федеральный округ. В Южном, Северо-Западном и Дальневосточном федеральных округах этот показатель оказался ниже более чем в 2 раза.

Однако, если анализировать не удельный вес, а коэффициенты убийств по

федеральным округам, то Дальневосточный округ окажется на первом месте (33,2 убийства на 100 тыс. человек), за ним следует Сибирский (31,9) и Уральский (28,9) федеральные округа. Далее со значительным отставанием идут Северо-Западный (21,1), Приволжский (19,3), Южный (17,7) и Центральный (17,1) федеральные округа. Таким образом, разница между крайними показателями также составляет почти 2 раза. Кстати, тенденция увеличения коэффициентов с запада на восток наблюдается весь исследуемый период.

Если анализировать состояние убийств в отдельных субъектах Российской Федерации в относительных показателях, то разница возрастет еще в несколько раз. При этом впереди оказываются дальневосточные, сибирские и северные регионы. В абсолютных же показателях картина выглядит иначе (рис. 5). Между тем приведенные данные позволяют

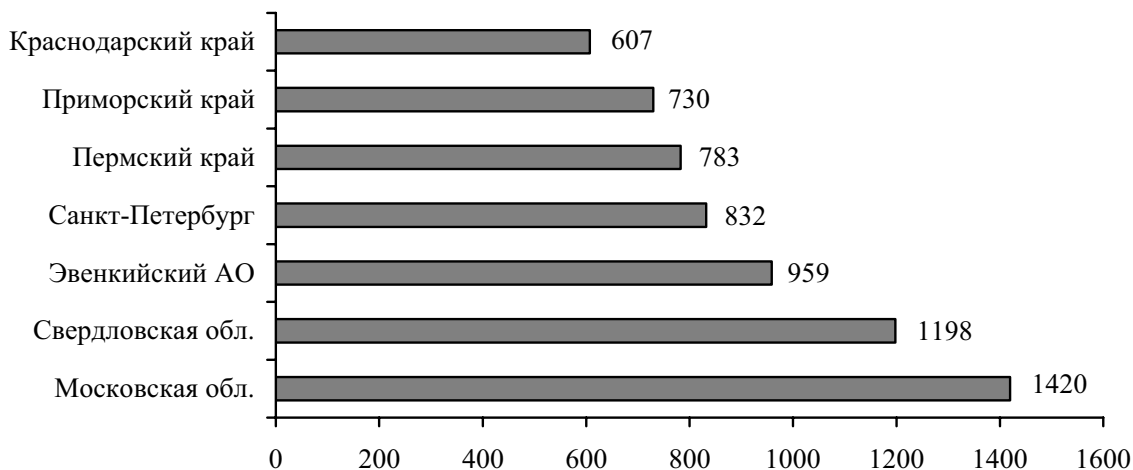

Рис. 5. Субъекты Российской Федерации, в которых было зафиксировано наибольшее количество убийств и покушений на убийство в 2006 г.

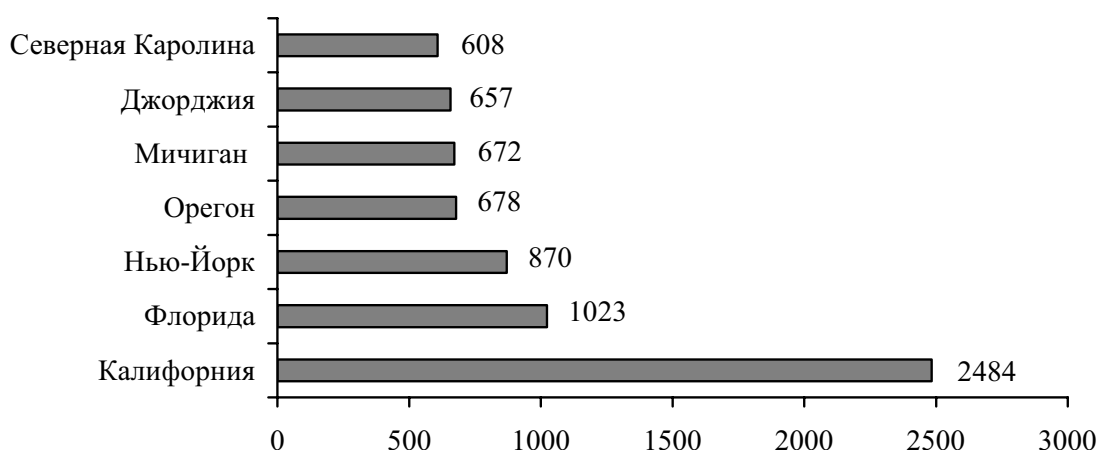

Рис. 6. Территории США, на которых было зарегистрировано наибольшее количество убийств в 2004 г.

сравнить состояние убийств в отдельных регионах России и США.

Криминальная статистика США в 2004 г. отмечала следующие штаты, в которых было зафиксировано наибольшее количество убийств (рис. 6) [10, р. 48].

При сравнении состояния убийств в абсолютных показателях в регионах США и России, обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Калифорния демонстрирует самые высокие показатели зарегистрированных убийств, и не только среди американских штатов. Количество убийств в этом штате в 1,7 раза больше, чем в Московской области, которая является рекордсменом по количеству убийств среди регионов России. Огромное количество убийств в этом штате увеличивает и разницу между минимальным и максимальным абсолютными показателями убийств до четырех раз против двух в России. Что касается остальных регионов России и США, то представленные данные свидетельствуют об их относительной сходимости; даже крупнейшие города (Санкт-Петербург и Нью-Йорк) демонстрируют фактически аналогичные показатели.

Интересен и сопоставительный анализ количественных и качественных характеристик потерпевших от убийств в сравниваемых странах. Как в России, так и в США статистически прослеживается преобладание убитых мужчин над женщинами (табл. 2) [1, с. 221, 224, 228]. Безусловно, это оказывается следствием сложившегося распределения социальных ролей, большим вовлечением мужчин в криминальную сферу жизнедеятельности общества. Однако в России показатели погибших мужчин и женщин значительно превы-

шают аналогичные американские показатели. Определенный «вклад» в эту печальную статистику внес и алкоголь. Об этом свидетельствует и российские, и американские статистические данные. Например, в России около 80 % потерпевших на момент совершения преступления находились в состоянии алкогольного опьянения.

Таблица 2

Численность мужчин и женщин в России и США, погибших от убийств в 1990–2006 гг.*

Год	Показатель	Страна	
		Россия	США
1990	Всего	21145	23438
	Мужчины	16038	17852
	Женщины	5107	4997
1995	Всего	45257	21606
	Мужчины	34480	16207
	Женщины	10777	4897
2000	Всего	41090	15586
	Мужчины	30753	11516
	Женщины	10337	3620
2005	Всего	35636	16692
	Мужчины	26787	12804
	Женщины	8849	3464
2006	Всего	28844	16560
	Мужчины	21629	13067
	Женщины	7215	3493

Между тем коэффициенты виктимизации мужчин от убийств в США значительно различаются в отдельных штатах. Так, в Луизиане этот показатель был почти в 2 раза

* Численность погибших мужчин и женщин в США за анализируемые годы могут не давать в сумме общее количество погибших от убийств, так как в криминальной статистике этой страны есть графа «неопознанные» (unknown).

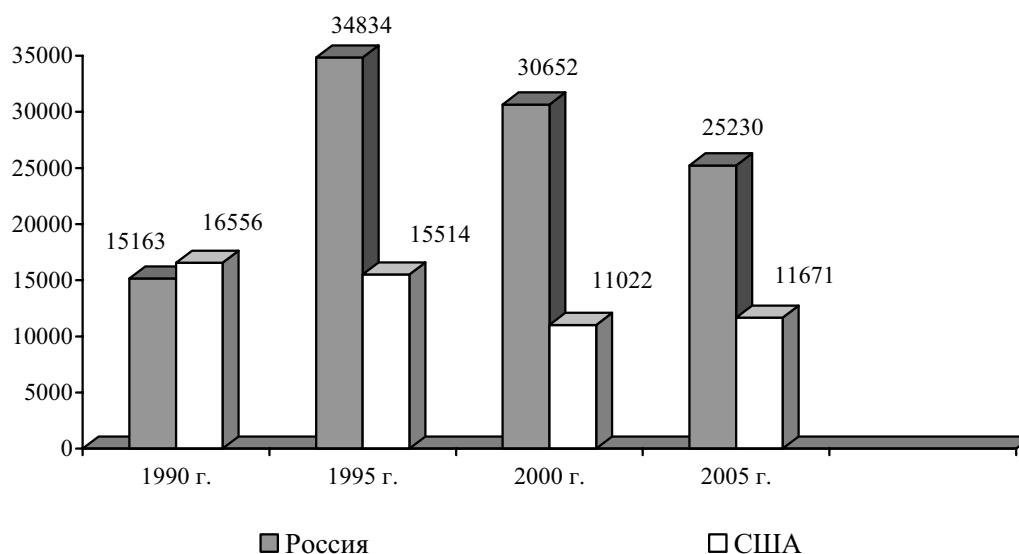

Рис. 7. Численность погибших городских жителей России и США в результате убийств в 1990–2005 гг.

выше (21,2 мужчин на 100 тыс. населения штата), чем в Южной Каролине (11,5), в Мериленде равнялся 16,9, Аризоне – 13,3, Нью-Мексико – 12,9. Коэффициент виктимизации среди женщин был максимальным в Нью-Мексико (5,7 женщин на 100 тыс. населения штата) и Луизиане (5,0) и более низким в Южной Каролине и Джорджии (по 3,7), Арканзасе (3,6) и Флориде (3,3) [10, р. 49].

По России коэффициент виктимизации от убийств в 2006 г. составил 20,2 человека на 100 тыс. населения. Среди мужчин он составил 32,8; среди женщин – 9,4, т. е. в 1,5 раза выше, чем аналогичные максимальные показатели в США. Это значит, что российское население становится жертвами от убийств как

минимум в полтора раза чаще, чем в США.

Анализ соотношения погибших от убийств свидетельствует о том, что в России, начиная с 1995 г., в городах погибает от убийств в 2–3 раза больше, чем в США (рис. 7) [1, с. 235, 238].

Аналогичную картину можно наблюдать и в отношении сельских жителей (рис. 8) [1, с. 242].

В анализируемом периоде 1990 г. в истории России оказался последним годом, когда количество зарегистрированных убийств в российских деревнях и селах оказалось меньше, чем в сельской местности США. Однако затем, на протяжении последнего десятилетия XX – начала XXI в. абсолютные показа-

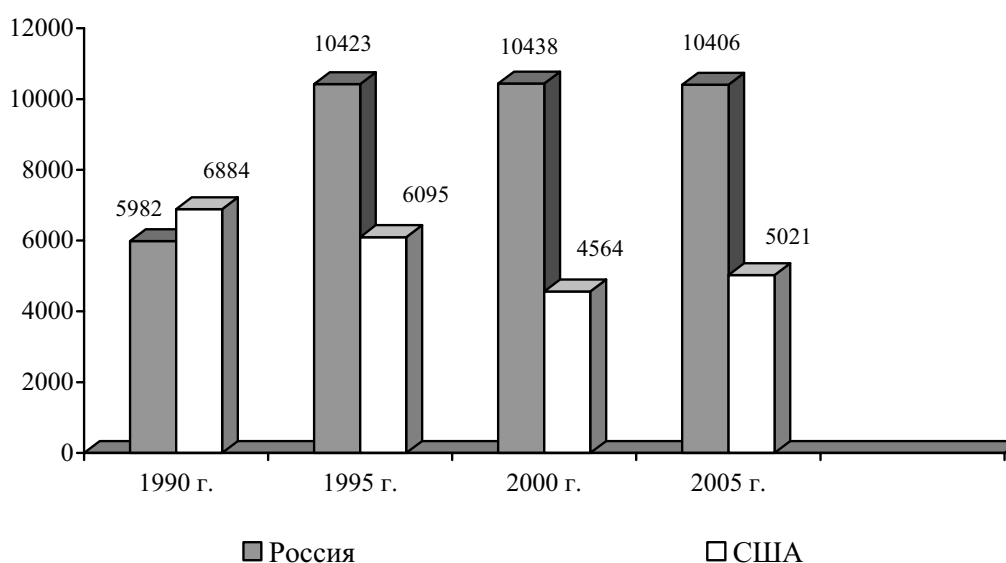

Рис. 8. Численность сельских жителей России и США, погибших в результате убийств в 1990–2005 гг.

тели убийств в сельской местности России в среднем в 2 раза превышали аналогичный показатель в США. Как отмечалось в специальном докладе Бюро правовой статистики Минюста США, убийства в сельской местности демонстрировали фактически аналогичную динамику, т. е. наблюдалась тенденция спада количества зарегистрированных убийств [6, р. 3].

Между тем, если сравнивать соотношение жертв убийств в городах и сельской местности, то в США в сельской местности убивают в 2 раза реже, чем в городах, тогда как в России это происходит в 3 раза реже (см. рис. 7 и 8). Иными словами, в России потерпевшие чаще становятся жертвами убийств в городах.

Проведенный выше анализ позволяет сделать ряд выводов.

1. С начала 1990-х гг. протекавшие в российском обществе глубокие социально-экономические и политические изменения привели к резкому росту количества убийств. В отличие от России в США на протяжении всего исследуемого периода наблюдается устойчивая тенденция к снижению регистрируемых убийств. В результате, если в начале периода абсолютные показатели зарегистрированных убийств в США превосходили российские, то в последние годы уровень убийств, зарегистрированных в России, в 2 раза выше, чем США. Еще больший разрыв наблюдается между относительными показателями, где коэффициент интенсивности преступности в США в 4 раза ниже российского, а удельный вес убийств в общей структуре регистрируемых преступлений составляет сотые доли процента против одного процента в России.

2. Увеличивается латентная часть убийств, по крайней мере в России, поскольку наблюдается устойчивая тенденция к росту количества трупов с неустановленной причиной смерти, а также лиц, находящихся в розыске, и необнаруженных. Если предположить, что только половина из этого количества погибла или исчезла без вести в результате причинения насильственной смерти, то показатели состояния убийств увеличатся в 2 раза. Если при этом учесть, что лишь две трети преступников, совершивших убийства, устанавливаются и осуждаются, то получается, что в среднем ответственность наступает только за каждое

второе убийство. По США, к сожалению, сопоставимых данных нет.

3. Выявление основных причин, способствующих воспроизводству криминального потенциала на территориях, где фиксируются «рекордные» показатели убийств в России и США, – предмет отдельного исследования. В настоящем исследовании предложен только общий статистический анализ наиболее сопоставимых показателей, которые позволяют прийти к выводу, что абсолютные и относительные показатели в различных регионах одного и того же государства могут в значительной степени различаться. При этом увеличение значений количественных показателей убийств в России происходит с запада на восток (относительные показатели) и с востока на запад в абсолютных показателях. Это в первую очередь связано с плотностью населения в этих регионах и условиями жизни в них. В США аналогичное движение значений количественных показателей происходит с севера на юг.

4. Что касается гендерных характеристик потерпевших от убийств, то в обеих странах наблюдается значительное преобладание в числе погибших – мужчин. При этом количество погибших от убийств российских и мужчин, и женщин значительно, в 2–3 раза, превышает количество убитых американцев и американок.

5. Анализ совершения убийств по типам поселения свидетельствует о количественном преобладании убийств в городах. Эта тенденция прослеживается как в России, так и в США. Однако в России в городах убивают в 3 раза чаще, чем в сельской местности, тогда как в США убийства в сельской местности происходят в 2 раза реже, чем в городах.

Таким образом, криминологический сопоставительный анализ убийств очень полезен для правоприменителя, поскольку позволяет оценить динамику состояния убийств в долгосрочном периоде и, соответственно, осуществлять прогностическую функцию в отношении этого вида преступлений (хотя бы на короткий период). И если анализ показывает, что США сумели переломить ситуацию с убийствами в сторону их существенного снижения, почему бы не использовать их опыт в борьбе с этим наиболее тяжким видом преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демографический ежегодник России, 2007. – М., 2007.
2. Латентность преступности / под ред. С.М. Иншакова. – М., 2007.
3. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные, российские тенденции. – М. : Волтерс Клувер, 2005.
4. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2007 : стат. сб. / Росстат. – М., 2007.
5. Crime in United States. 2001. Uniform Crime Reports. – Washington, 2001.
6. Duhart D. Urban, Suburban, and Rural Victimization, 1993-98 / Bureau of Justice Statistics National Crime Victimization Survey. – Washington, D.C., 2007.
7. FBI, Uniform Crime Reports, 1950–2005.
8. Rand M., Lynch J., Cantor D. Criminal Victimization, 1973-95 / Bureau of Justice Statistics National Crime Victimization Survey. – Washington, D.C., 2007.
9. Snyder H. Juvenile Arrests 2006 / Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention. U.S. Department of Justice. – Washington, D.C., 2008.
10. State Injury Indicators Report. Third Edition – 2004 Data / US Department of Health and Human Services. Centers of Disease Control and Prevention. National Center for Injury Prevention and Control. – Washington, D.C., 2007.
11. Uniform Crime Reporting Handbook. – Washington, D.C., 1984.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATED)

1. Demograficheskiyj ezhegodnik Rossii, 2007. – М., 2007.
2. Latentnostj prestupnosti / pod red. S.M. Inshakova. – М., 2007.
3. Luneev V.V. Prestupnostj XX veka: mirovihe, regionaljnihe, rossijskie tendencii. – М. : Volters Kluver, 2005.
4. Socialjnoe polozhenie i urovenj zhizni naseleniya Rossii. 2007 : stat. sb. / Rosstat. – М., 2007.
5. Crime in United States. 2001. Uniform Crime Reports. – Washington, 2001.
6. Duhart D. Urban, Suburban, and Rural Victimization, 1993-98 / Bureau of Justice Statistics National Crime Victimization Survey. – Washington, D.C., 2007.
7. FBI, Uniform Crime Reports, 1950–2005.
8. Rand M., Lynch J., Cantor D. Criminal Victimization, 1973-95 / Bureau of Justice Statistics National Crime Victimization Survey. – Washington, D.C., 2007.
9. Snyder H. Juvenile Arrests 2006 / Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention. U.S. Department of Justice. – Washington, D.C., 2008.
10. State Injury Indicators Report. Third Edition – 2004 Data / US Department of Health and Human Services. Centers of Disease Control and Prevention. National Center for Injury Prevention and Control. – Washington, D.C., 2007.
11. Uniform Crime Reporting Handbook. – Washington, D.C., 1984.

Информация об авторах

Богданов Сергей Викторович (Губкин, Белгородская область) – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии. Губкинский институт (филиал) Московского государственного открытого университета (309510, Белгородская область, г. Губкин, ул. Комсомольская, 16, e-mail: sv-bogdanov@mail.ru)

Репецкая Анна Леонидовна (Иркутск) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии. ГОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права» (664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. (3952) 21-18-16, e-mail: irkcenter@isea.ru)

Information about the authors

Bogdanov, Sergey Viktorovich (Gubkin, Belgorod region) – Ph.D. in History, Ass. Professor, Chair of History. Gubkin Institute (Affiliate) of Moscow State Open University (16, Komsomolskaya str., Gubkin, Belgorod region, 309510, e-mail: sv-bogdanov@mail.ru)

Repetskaya, Anna Leonidovna (Irkutsk) – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head, Chair of Criminal Law and Criminology, Baikal National University of Economics and Law (11, Lenin str., Irkutsk, 664003, phone: (3952) 21-18-16, e-mail: irkcenter@isea.ru)